

*А.С. Князьков, доктор юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт
МВД России*

К вопросу о фиксации хода и результатов проверки показаний на месте

Проверка показаний на месте как следственное действие имеет богатую и длительную историю его институализации в уголовно-процессуальном законодательстве нашей страны. Её феномен заключается в том, что ни одна процедура, применяемая в ходе производства по уголовному делу, не прошла такое практическое и доктринальное испытание с целью проверки возможности оформления в следственное, как принято подчеркивать, самостоятельное действие.

Разумеется, можно говорить отдельно о субъективных причинах длительного решения вопроса о становлении определенного комплекса криминалистических рекомендаций в названное следственное действие. Однако в науке, в т.ч. в криминалистике, весьма редки случаи, когда отстаивание точки зрения целиком строится вне связи с объективным положением дел, в т.ч. с имеющимися результатами соответствующих исследований. Объективная причина такого решения отмеченного вопроса состоит в криминалистической природе самого следственного действия: достаточно посмотреть определения проверки показаний на месте, данные разными авторами в разное время. Так, например, Р.С. Белкин как один из первых авторов, ратующих за придание разработанным в криминалистике действиям по проверке показаний на месте статуса следственного действия, указывал, что сущность данного следственного действия заключается в показе обвиняемым или свидетелем определенного места, связанного с событием преступления, рассказе о совершенных на этом месте действиях, сопоставлении сведений, сообщенных этими лицами, с объективной обстановкой на месте и иногда демонстрации некоторых действий [1, 2].

В наше время в определении проверки показаний на месте называется тот же самый комплекс действий следователя и проверяемого лица [9, с. 27].

Однако нельзя не сказать о том, что определение того или иного следственного действия, с учетом требований к его формулированию, не способно отобразить весь комплекс присущих ему тактических положений. Более

того, в определении следственного действия, даваемого в криминалистике и в уголовно-процессуальной науке, отсутствует характеристика, причем специфическая, тактических положений фиксации его хода и результатов. Можно согласиться с тем, что в рассуждениях о любом тактическом приеме, в т.ч. об их совокупности, главным является вопрос об их «производительной силе», представляющей собой тактическое воздействие. При этом нельзя упускать из виду, что в следственном действии, в рамках производства которого применяются тактические приемы, помимо поисково-познавательной стороны существует удостоверительная сторона, и в своей совокупности эти элементы позволяют говорить о доказательствах и о доказывании. Как отмечал С.А. Шейфер, объективно отражающая существующие следы события информация еще не является доказательством: лишь в процессе познавательно-удостоверительной деятельности определенных субъектов доказывания такой информации придается надлежащая процессуальная форма и возникают, т.е. формируются, доказательства [10, с. 32].

Таким образом, следственное действие, будучи формой тактической деятельности [4, с. 23-47], представляет собой специфическую систему, и в силу этого требует учета взаимосвязей содержания каждого из составляющих его этапов, в частности, этапа фиксации его хода и результатов. Проблема фиксации хода и результатов проверки показаний на месте осложняется тем, что по своей сути в ней тесно переплетены имеющие в равной мере значение вербальная и невербальная стороны. Нельзя не учитывать при этом взгляд отдельных авторов на особенности «невербального» познания в уголовном судопроизводстве, проявляющиеся в том, что познавательная функция дознавателя или следователя заключается в создании мысленного образа каких-либо фрагментов действительности на основании собственно воспринятого чувственного перцепта, которые переводятся затем в словесную вербальную форму, составляющую содержание протокола следственного действия и имеющую свои существенные недостатки [6, с. 69].

В доступной нам современной литературе, посвященной проблемам проверки показаний на месте, преимущественному анализу подвергаются положения, связанные с исследовательской частью данного следственного действия, в то время как вопросы фиксации её хода и ре-

зультатов даны более чем сжато [8, с. 47]. Нельзя не сказать о том, что после закрепления в УПК РФ проверки показаний в качестве следственного действия наибольшее развитие получили вопросы аудио- и видеофиксации хода и результатов этого следственного действия, в то время как вопросы основной формы фиксации – протокола следственного действия – не получили своего развернутого исследования. Достаточно сравнить положения о правилах отражения хода и результатов действия, которые до появления соответствующих норм в УПК РФ именовались как «следственный эксперимент по проверке показаний на месте» [5, с. 73-74] с одноименными положениями отдельных работ по соответствующей проблематике [7, с. 264-267].

В протоколе проверки показаний на месте должен быть отражен факт невозможности выполнения проверяемым лицом действия, которое оно называло в ходе допроса. Разумеется, в таких случаях не должна предоставляться ему возможность совершения названного при допросе действия в облегченных условиях, поскольку проверка показаний на месте объективно превращается в следственный эксперимент. С позиции доказывания становится очевидным сообщение таким лицом в ходе допроса недостоверных сведений, причиной которого может быть в т.ч. его отсутствие в выбранном им для проверки показаний месте. В доктринальном плане получает свое подтверждение тезис о том, что отличие одного следственного действия от другого определяется несхожестью комплекса тактических приемов, задействуемых при их производстве, в т.ч. различиями в тактических приемах фиксации их хода и результатов.

В числе поисково-познавательных преимуществ проверки показаний на месте отмечается существование возможности восстановления в памяти (актуализации) определенной информации как результат непосредственного воздействия материальной обстановки на сознание [3, с. 224]. Представляется, что лицо, чьи показания проверяются в рамках рассматриваемого следственного действия, должно быть предупреждено о необходимости указывать на то, что им сообщаются новые сведения как результат припоминания в настоящее время. Разумеется, такие сведения не должны представлять собой простое указание на элементы обстановки, в которой происходит проверка показаний на месте: обращение проверяемым вниманием на тот или иной элемент обстановки должен сопровождаться уточнением и дополне-

нием сведений о влиянии этих обстоятельств на решение совершить те или иные действия.

Нельзя не сказать об отдельных тактических недостатках работы следователя с понятыми в ходе проверки показаний на месте. Можно предположить, что перед началом проверки показаний на месте (впрочем, как и в ходе производства этого следственного действия) следователь не акцентирует внимание понятых на необходимость постоянного наблюдения за проверяемым лицом, особенно в момент совершения им тех или иных проверочных действий. Об этом свидетельствуют прилагаемые к протоколу следственного действия фотоснимки, на которых понятые смотрят в сторону производящего фотофиксацию специалиста в тот момент, когда проверяемый совершает определенные действия.

Представляется необходимым говорить об объективно существующей в настоящее время исследовательской ситуации, требующей рассмотрения проблемы влияния специфических тактических приемов исследовательской части следственного действия на специфические приемы фиксации его хода и результатов. Результатом этого должно стать уточнение криминалистической природы того или иного следственного действия. Особенно это актуально в отношении проверки показаний на месте, которая, как уже было отмечено, сочетает в себе как вербальную, так и невербальную стороны поисково-познавательной деятельности следователя.

Литература

1. Белкин Р.С. Избранные труды. М.: Норма, 2010. 768 с.
2. Белкин Р.С. Проверка и уточнение показаний на месте: лекция. М., 1961.
3. Ищенко Е.П. Криминалистика: курс лекций. М.: АСТ: АСТ Москва Контракт, 2008. 411 с.
4. Князьков А.С. Аналитические тактико-криминалистические средства досудебного производства. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. 164 с.
5. Пичкалева Г.И. Проверка показаний на месте // Леви А.А., Пичкалева Г.И., Селиванов Н.А. Получение и проверка показаний. М.: Юрид. литература, 1987. С. 63-76.
6. Россинский С.Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 224 с.
7. Уваров В.Н. Тактика проверки показаний на месте // Актуальные проблемы кримина-

листической тактики: мат-лы междунар. научно-практ. конф-ции (г. Москва, 28 марта 2014 г.). М.: Юрлитинформ, 2014. С. 264-267.

8. Центров Е.Е. Проверка показаний на месте в проблемных ситуациях расследования: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 264 с.

9. Чаднова И.В. Проверка и уточнение показаний на месте: дис. ...канд. юрид. наук. Томск, 2003. 203 с.

10. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. 240 с.

*Е.Е. Космодемьянская, канд. юрид. наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России*

Тактические задачи расследования контрабанды лесоматериалов как структурный элемент их видовой криминалистической методики

По словам ученых, занимающихся вопросами расследования преступлений в таможенной сфере, «среди дел, возбужденных по ст. 226.1 УК РФ, преобладает контрабанда леса и лесоматериалов (по годам в диапазоне 21,3-30,5%); сильнодействующих веществ (24,2-43,2%), по ст. 229.1 УК РФ «Контрабанда наркотических средств» (80,3-91,5% дел)» [3].

При этом «наибольшие объемы контрабанды древесины выявляются таможенными органами в Дальневосточном и Сибирском ФО. Преступления характеризуются большими объемами леса, устойчивостью противоправных схем» [2].

Эти же тенденции подтверждает и начальник Сибирского таможенного управления генерал-майор таможенной службы А.Н. Ястребов. По его словам, «в 2020 году возбуждено 149 новых уголовных дел, связанных с контрабандой леса и лесоматериалов из Сибири, что более чем вдвое превышает показатель 2019 года. Лесоматериалы оказались в числе наиболее частых объектов преступлений... Всего в округе в 2020 году было возбуждено 360 уголовных дел о контрабанде» [1].

Одним из последних примеров подобного рода противоправной деятельности может служить следующий: «Сибирские таможенники предотвратили незаконный вывоз в Китай более 8,5 тысячи кубометров лесоматериалов из Иркутской области. Пресечена деятельность китайско-российской преступной группы. Всего удалось задержать более 5,5 тысячи кубометров пиломатериалов и 3 тысяч кубометров необработанного леса, готовых к отправке из России...

В период с мая по июнь 2021 года товар проходил электронное таможенное декларирование на таможенном посту «Сибирский» в Красноярске. С целью получения прибыли от вывоза незаконно добытого леса преступники попытались его легализовать. Для этого они использовали подложные документы и указывали в таможенных декларациях заведомо недостоверные сведения о сделках с древесиной на внутреннем рынке и о производителе лесоматериалов. Чтобы придать своим действиям видимость законности, участники организованной группы использовали подконтрольные юридические лица, от имени которых осуществляли экспорт, и предварительно создавали фиктивные цепочки купли-продажи древесины на внутреннем рынке. Соответствующие сведения заблаговременно вносились в Единую государственную автоматизированную систему учета древесины и сделок с ней (ЛесЕГАИС). В отношении организаторов преступления, граждан Китая и России, Сибирская оперативная таможня возбудила уголовное дело по части 3 ст. 226.1 УК РФ – контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов, совершенная организованной группой в крупном размере» [8].

Очевидно, усилия правоохранительных органов, направленные на декриминализацию данной отрасли внешнеэкономической деятельности, нуждаются в эффективных криминалистических методиках. Поэтому разработка структурированной методики расследования контрабанды лесоматериалов является актуальной задачей на фоне представленных выше показателей преступности в сфере ЛПК в целом.

Исходя из общих теоретических посылок о том, что методика расследования преступлений – это обусловленная предметом доказывания система тактических задач и операций, отражающая типичный процесс расследования и отвечающая критериям эффективности и экономичности [5], полагаем, что одним из струк-